

Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 280 с.

История советской биологии первых послеоктябрьских десятилетий не может пожаловаться на отсутствие интереса со стороны биологов и историков науки — число работ по этой тематике измеряется многими десятками. В 1999 г. вниманию заинтересованного читателя был предложен еще один труд, посвященный этому периоду, — монография Э. И. Колчинского, которая, безусловно, займет достойное место в отечественной истории науки. Цель этого труда сам автор кратко определил следующим образом: «Показать начальные этапы диалектизации биологии в рамках общего социально-культурного контекста развития науки в первые годы советской власти и вскрыть причины смены доминирующих групп биологов-марксистов» (с. 10). Под «диалектизацией» он понимает процесс внедрения в сознание научного сообщества диалектического материализма как единственно верной естественно-научной методологии. По его мнению, такой подход — акцент на философских аспектах развития отечественной биологии — позволяет лучше понять процессы, протекавшие в отечественной биологии в период с 1920-х по 1940-е гг., при анализе которых часто использовались упрощенные представления о природе происходивших изменений: например, все списывалось на злой гений Т. Д. Лысенко или тоталитарную политическую систему.

Свой анализ процесса диалектизации советской биологии автор начинает с его периодизации. С 1917 по 1989 гг. он выделяет восемь основных периодов в развитии «союза» философии и биологии, которым были присущи следующие черты:

1917–1922 — биологическое сообщество в целом не принимает большевист-

ский режим, а большевики, занятые установлением административного контроля над научными и образовательными учреждениями, не предпринимают серьезных мер для установления идеологического контроля над естествознанием;

1922–1925 — создание первых марксистских журналов и учреждений, целью которых было установление «союза воинствующих материалистов с естествоиспытателями». Основное внимание уделяется философскому анализу естественно-научных концепций, внедрению диалектического материализма как методологии научного исследования и борьбе с проявлениями метафизики, идеализма и механицизма;

1925–1928 — создание секции естественных и точных наук при Комакадемии, использование диалектической фразеологии для опровержения взглядов оппонентов, попытки запретить некоторые направления эволюционной теории и психологии; философии отводится задача обобщения основных результатов теоретической биологии;

1928–1932 — культурная революция и «великий перелом», создание массовых марксистских организаций, имеющих своей целью насильственное внедрение диалектического материализма в практику биологических исследований, аресты неугодных ученых;

1932–1939 — нарастание массовых репрессий, усиление антинаучных тенденций в биологии, выразителем которых стал Т. Д. Лысенко и его сторонники, гибель многих выдающихся представителей генетики;

1939–1948 — период относительного затишья борьбы в биологии, связанный с Великой Отечественной войной;

1948–1964 — господство в биологии Т. Д. Лысенко, генетика заклеяна как лженаука;

1964–1989 — конец монополии Т. Д. Лысенко, исследования по философским вопросам биологии концентрируются на мировоззренческих и методологических аспектах эволюционной теории, генетики, молекулярной биологии, биофизики. Диалектический материализм рассматривается как «интегративная система, в рамках которой на базе единой методологии и единого мировоззрения должны быть синтезированы данные разных наук» (с. 18).

В своей монографии Э. И. Колчинский ограничивается рассмотрением только первых четырех из вышеописанных восьми периодов. Свой анализ он начинает с сопоставления развития биологии в Германии и в России после прихода к власти соответственно нацистов и большевиков. Он отмечает, что если в Германии многие биологи еще задолго до 1933 г. усвоили идеологию имперского национализма и приветствовали приход Гитлера к власти, то положение в России было совершенно иным. Из крупных биологов только К. А. Тимирязев сразу принял революцию, а большинство биологов рассматривало ее как национальную катастрофу. Для этого у них были все основания: со стороны официальных лиц новой власти скоро стали раздаваться призывы уничтожить старые научные учреждения как пережитки классового строя, ученые в полной мере испытали на себе тяготы гражданской войны, многие из них эмигрировали или постарались остаться на территориях, контролируемых белыми. В то же время новая власть с ее прометеевской верой в силу науки выражала готовность к широкомасштабной поддержке научных исследований, в первую очередь прикладных, и многие ученые ценили эту поддержку. Благодаря ей в первые после-революционные годы возникло множество новых научных учреждений, и часть научного сообщества смогла приступить к осуществлению своих планов, намеченных еще до Октябрьской революции.

Первые попытки наведения мостов между биологией и философией сопровождались ожесточенными дискуссиями между философами-марксистами, по-разному понимавшими задачи философии в области естествознания. Основная борьба развернулась между «механистами» (Л. И. Аксельрод, А. И. Варьяш, В. Н. Сарабьянов, И. И. Скворцов-Степанов и др.) и «диалектиками» (А. М. Деборин, Н. А. Карев, И. К. Луппол и др). Первые отрицали «философствование», отделенное от естествознания, и видели в философии лишь инструмент для обобщения выводов науки. Их наиболее радикальные представители (С. К. Минин) выдвигали даже лозунг «философию за борт». Вторые — методологию естествознания видели в гегелевской диалектике и считали необходимым разработку специальной «марксистской теории естествознания» или даже «диалектического естествознания», где философия играла бы ведущую роль. Кроме того, были и иные мнения о необходимости «союза» между философией и естествознанием, например, Д. Б. Рязанов утверждал, что тесные контакты между естествознанием и марксистской философией ведут лишь к усилению позитивизма в последней, а О. Ю. Шмидт и его приверженцы полагали, что применение материалистической диалектики в естествознании должно определяться степенью потребности в ней самого естествознания.

Во второй, относительно либеральный период диалектизации биологии в России такие умеренные подходы еще находили поддержку функционеров от науки, например, точка зрения О. Ю. Шмидта, импонирующая многим естественникам, нашла поддержку и у председателя Коммунистической академии М. Н. Покровского. Однако по мере укрепления сети новых коммунистических научных учреждений, занятых биологической тематикой или имевших своей целью подготовку марксистских кадров в области естествознания (биологические институты Комакадемии, Тимирязевский науч-

но-исследовательский институт, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов по общественным наукам — РАНИОН, Институт красной профессуры), а также общественных марксистских организаций (Кружок врачей-материалистов при 1 МГУ, Кружок биологов-материалистов), ситуация начинает меняться в сторону большей радикализации. Этому способствовал и приход в науку нового поколения биологов и философов, имевших за плечами опыт гражданской войны, партийных и студенческих чисток и хорошо знавших политическую терминологию, используемую для изгнания неугодных. Постепенно формировалась практика навешивания на научных оппонентов политических ярлыков, и все очевидней становилось стремление не столько убедить оппонента, сколько доказать властям вредность его взглядов. Особенно ожесточенными дискуссиями было известно Общество биологов-марксистов, созданное на основе Кружка биологов-материалистов в 1928 г.

Отдельные разделы книги Э. И. Колчинского посвящены диалектизации биологии в Ленинграде и взаимодействию марксистской идеологии с конкретными биологическими направлениями. Как отмечает автор, в отличие от Москвы в Ленинграде традиции дореволюционной интеллигенции оказались прочнее, и ведущее учреждение, призванное проводить диалектизацию, — Научное общество марксистов (НОМ) — в силу своей слабости не смогло выполнить возложенную на него задачу. Влиянию марксистской идеологии на конкретные биологические дисциплины посвящена вся третья глава книги под названием «Биология и марксизм», в рамках которой рассматривается влияние диалектического материализма на развитие таких направлений, как дарвинизм и недарвиновские концепции эволюции, генетика и евгеника, учение о сущности и происхождении жизни, физиология высшей нервной деятельности, экология и ряда других. Обращает на себя внимание хорошее владение автором

биологическим материалом. В монографии Э. И. Колчинского очень грамотно, хотя и кратко, изложены главные вопросы, стоявшие перед биологией 1920-х — 1930-х гг. Автор, помимо эволюционной теории и дарвинизма, подробно рассматривает состояние генетики, евгеники, проблемы сущности и происхождения жизни, экологическую проблематику, подкрепляя свои выводы анализом огромного числа публикаций и архивных материалов.

Начало культурной революции ознаменовало переход процесса диалектизации биологии в иное качество. Культурная революция была противоречивым явлением. Как отмечала Ш. Фитцпатрик, начавшееся движение с целью подъема культурного уровня населения быстро превратилось в классовую войну против классовых врагов, среди которых числилась и старая, «буржуазная» интеллигенция [1]. Для науки такие перемены означали резкое усиление вмешательства властей в ход научных исследований и дискуссий, в частности, путем вынесения вердиктов о соответствии того или иного научного направления официально одобренным на тот момент философским установкам. С этой целью были созданы новые организации — такие, как Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО) и Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД), а ряд институтов был передан Коммунистической академии.

Одним из следствий этих перемен было обострение борьбы между группировками, исповедующими различные философские взгляды на естествознание. В своей монографии Э. И. Колчинский подробно рассматривает перипетии этой борьбы: недолгое доминирование на советском философском Олимпе группы А. М. Деборина, сторонники которого, как уже отмечалось, методологическую и мировоззренческую основу естествознания усматривали в гегелевской диалекти-

ке и трудах Маркса — Энгельса. Далее последовало свержение этой группы коргой более агрессивных диалектизаторов — борцов против «механистического материализма и меньшевистствующего идеализма» в биологии под руководством М. Б. Митина и П. Ф. Юдина. С этого момента основным критерием «диалектичности» научной теории стало ее соответствие текущему политическому курсу, и запрету подверглись целые научные направления, не удовлетворявшие этому критерию — например, фитосоциология, психоанализ, евгеника. Апогеем культурной революции в биологии, по мнению автора, стали мероприятия и публикации, посвященные 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина в 1932 г.

Особое внимание при анализе культурной революции в книге уделено личности И. И. Презента, зловещая роль которого в судьбах отечественной биологии хорошо известна. Имя Презента обычно упоминается в связке с именем Т. Д. Лысенко, правой рукой которого он стал начиная с 1932 г., и мимо этого альянса не проходит ни один историк советской генетики. Гораздо менее известна жизнь и деятельность И. И. Презента до того, как он сделал ставку на Т. Д. Лысенко. Автор восполняет этот пробел и представляет подробное описание деятельности Презента в период культурной революции, провал его попыток стать главным «диалектизатором» страны и становление его альянса с Т. Д. Лысенко.

В целом культурной революции не удалось выполнить поставленные перед ней задачи. Когда руководству стало ясно, что кавалерийским наскоком науку невозможно сделать «пролетарской», на смену «великому перелому» пришел «великий откат», а чистки начались уже среди коммунистической интеллигенции. В течение нескольких последующих лет были распущены многие учреждения, порожденные культурной революцией: Ассоциация естествознания Комакадемии,

Общество воинствующих материалистов-диалектиков, ВАРНИТСО. «Буржуазные» специалисты вновь стали широко привлекаться к социалистическому строительству.

Подводя итоги рассмотренного периода диалектизации биологии в СССР, Э. И. Колчинский отмечает, что хотя за прошедшие пятнадцать лет свобода ученых была сильно ограничена, тем не менее властям не удалось создать «пролетарскую» биологию, сопоставимую по масштабам, скажем, с «расовой гигиеной» и «антропологией» в нацистской Германии. Еще одной особенностью ситуации в России было то, что здесь, в отличие от Германии, приверженность официальному политическому курсу не гарантировала безопасности — активные проводники очередной партийной линии первыми гибли при ее смене. Автор полагает, что «подобная неустойчивость побуждала к борьбе, к активному отстаиванию своих взглядов, а в конечном счете и к стихийному сопротивлению правящему режиму» (с. 217). Усвоив методы и приемы идеологических дискуссий, ученые пытались бороться с псевдонаукой ее же оружием: апелляциями к диалектическому материализму и авторитету властных структур.

Книга Э. И. Колчинского, объединившая в едином контексте анализ социально-политических и идеологических факторов с реальными проблемами науки, является ярким примером синтеза когнитивной и социокультурной составляющих истории науки. В этом ее особые ценность и новизна, и в этом отношении она вполне может быть взята за образец другими исследователями.

Литература

1. *Fitzpatrick Sh. Cultural Revolution as Class War / Cultural Revolution in Russia, 1928-1931 / Ed. Sh. Fitzpatrick. Bloomington-London: Indiana University Press, 1978. P. 8-40.*

Е. Б. Музрукова, О. П. Белозеров